
Байдин В.В.

**ПРЕДХРИСТИАНСКИЕ ЧЕРТЫ
В КАМЕННОМ ЗОДЧЕСТВЕ***

Baydin V.V.

Pre-Christian features in stone architecture

Византия принесла на Русь совершенный образ крестовокупольного каменного храма, утонченность иконы и фрески, выразительность мозаики и орнамента. Между языческим «пантеоном» Владимира и «соборами» Святой Софии в Киеве, Новгороде, Полоцке имела сомнительная связь. Мону­ментальные формы и нерушимость каменных храмов свидетельствовали о незыблемости новой веры. Многоглавие храмов, неведомого в Византии типа, воплощало важнейшую для Руси религиозную идею. Среди куполов-глав неизменно возвышался один, а остальные иерархически объединялись с ним по принципу восхождения к первообразу. Сходный путь воплощения первоначала во многих ипостасях ранее выражался в многочисленных эпитетах, относившихся к единому бо­жеству, в многоликих изображениях *Световита-Перуна* и *Триглава-Трояна*.

До конца XV в. в русском языке не было слова «квадрат»: эта геометрическая форма воспринималась как «круглообразная». Прямоугольный, нередко почти квадратный в основании крестовокупольный храм обладал пространственным сходством с древним святилищем, обращенным на четыре стороны света. Внешний облик православного храма требовал духовного осмысления сложных пластических

**Байдин В.В.* Предхристианские черты в каменном зодчестве // *Байдин В.В.* Символика русского средневекового храма. – Режим доступа: <http://rusarch.ru/baydin1.htm>

метафор. Соединение кубического объема и полусферы знаменовало единство горнего и дольного, неба и земли, живых и умерших. Церковные своды называли «небом», как и верхнюю часть русской печи – древнего домашнего жертвенника. Символ неба угадывали в нимбах святых. В алтаре находилось «горнее место», заалтарное пространство считалось *пренебесным* – «вышенебесным».

Важнейшее символическое значение имели входы в храм, и потому на Руси в отличие от Византии горизонтальные балки дверных проемов почти повсеместно заменяли дугообразными. Дужки небольших карнизов над дверьми и окнами по традиции воспринимались как священные пологи-покровцы. Портал с одной или несколькими арками, опиравшимися на тесно сдвинутые полуколонки, символизировал «радугу» (диал. *райдуга*), символически означал врата в рай. Древнеславянское *дуга* имело значение «небо», родственное литовскому *dangùs* и прусскому *dangus* с тем же значением. Словами «дугатый», «дугнатый» в Средневековье называли нечто разноцветно-радужное, пестрое. Именно такими и были до конца XVII в. церковные входы, раскрашенные и покрытые «многохитрой» резьбой. Округлые утолщения – *дыньки* на полуколонках по обеим сторонам изображали «солнца», будто плывущие по небесной дуге. Нередко их разделяли витые опоясывающие обереги, в память о соломенных или травяных жгутах, какими в древности обвязывали веревкой ворот и столбы домовых строений для защиты от злых сил.

Непреренно дугообразными стремились сделать проемы главного входа и алтарных дверей. Такими же представляли семи- и девятислойные «небеса» в русских иконах и книжных миниатюрах последующих столетий. «Небесные покровы», воздвигнутые Творцом над землей и ее обитателями, казались сводами вселенского храма. Утвержденный Русской церковью в XII в. и неизвестный Византии праздник Покрова Богородицы имел несомненные древнерусские истоки. На посвященных ему старинных иконах пояс Богородицы чаще всего изображался в виде дуги красного или белого цвета.

По словам Евгения Трубецкого, «идея мирообъемлющего храма стала основополагающей для древнерусской культуры, ее идеалом», он же первым отметил: «Икона в ее идее составляет неразрывное целое с храмом, а поэтому подчинена его архитектурному замыслу. Отсюда – изумительная архитектурность нашей религиозной живописи». Конструктивные основы иконописи и зодчества совпадали. Архитек-

тура стала пространственным раскрытием языка иконы, которая содержала в свернутом виде непроявленный облик храма, казалась его плоской прорисью. Прямоугольная основа иконы соотносилась с проекцией храма, загрунтованная и покрытая левкасом поверхность уподоблялась «освященной земле» и стенам церкви, а иконописное изображение являло небесный мир, соответствуя храмовому «небу». В иконе получала смысловое преломление символика Церкви-корабля, плывущего сквозь время и пространство. Углубление на иконной доске называли *ковчегом*, что буквально значило «ящик, сокровищница», но вызывало мысль о «ковчеге спасения» ветхозаветного Ноя.

С. Г.